

ПРОБЛЕМЫ СРАВНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И КАТОЛИЧЕСКОЙ МИССИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ¹

Терентьев Владислав Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, vlad33@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1258-6865>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу католической и православной миссий в современной Монголии – стране, население которой исповедует преимущественно буддизм, шаманизм либо является носителем синкретических идей. Отдельно рассматривается сама теоретическая возможность осуществления подобного сопоставления. В центре исследования – методы и подходы Римско-католической и Русской православной церквей, действующих в сложном культурно-религиозном контексте. Описываются общие черты миссий: просветительская и благотворительная деятельность, принцип инкультурации, усилия по преодолению языкового барьера. При этом также выделяются ключевые различия: масштаб присутствия, систематичность катехизации, миссия в сельской местности у католиков, а у православных – внутренняя миссия, направленная на обращение и воцерковление русскоязычной диаспоры. Приводятся выводы, согласно которым количественные показатели (число обращенных, материально-финансовые и человеческие ресурсы) не могут служить адекватным отображением успеха. Более продуктивно анализировать качественные аспекты миссионерских стратегий, их адаптацию к местным условиям и уникальный опыт католической и православной миссий в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, Русская православная церковь, Римская католическая церковь, проповедь, миссиология, миссия.

Для цитирования: Терентьев В.И. Проблемы сравнения православной и католической миссий в современной Монголии // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 58–64. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-58-64>

Research Article

ISSUES OF COMPARING ORTHODOX AND CATHOLIC MISSIONS IN CONTEMPORARY MONGOLIA

Vladislav I. Terentyev, PhD in History, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, vlad33@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1258-6865>

Abstract. This article presents a comparative analysis of Catholic and Orthodox missions in contemporary Mongolia, where the population is predominantly Buddhist, shamanistic, or adheres to syncretic ideas. It also examines the theoretical feasibility of such a comparison. The study focuses on the methods and approaches of the Roman Catholic Church and Russian Orthodox Church, operating in a complex cultural and religious context. Common features of these missions are described: educational and charitable activities, the principle of inculturation, and efforts to overcome the language barrier. Key differences are also highlighted: the scale of presence, the systematic nature of catechesis, and the rural mission of the Catholic Church, while the Orthodox Church focus on internal missions aimed at converting and bringing the Russian-speaking diaspora into the Church. The article concludes that quantitative indicators (number of converts, material, financial, and human resources) cannot adequately reflect success. It would be more productive to analyse the qualitative aspects of missionary strategies, their adaptation to local conditions, and the unique experience of Catholic and Orthodox missions in Mongolia.

Keywords: Mongolia, Ulaanbaatar, Russian Orthodox Church, Roman Catholic Church, sermon, missiology, mission.

For citation: Terentyev V.I. Issues of comparing Orthodox and Catholic missions in contemporary Mongolia. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 58–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-58-64>

Организация и осуществление миссионерской работы является одним из основополагающих направлений деятельности христианской Церкви. Миссия в идеале и согласно основам вероучения должна быть не просто делом профессионалов, но обязана стать образом жизни как духовенства, так и мирян. Например, в соответствующей Концепции РПЦ 2007 г. миссия определяется как «проповедь для пробуждения веры», которая «присуща самой природе Церкви» [Концепция].

Несмотря на расхождение в исторической ретроспективе православия и католичества, миссионерские пути представителей двух ключевых направлений христианства нередко пересекаются, и порой – в довольно интересных с практической точки зрения местах. Таким пространством встречи двух миссий («миссионерским полем» согласно [Концепция]) является Монголия – страна, 87,1 % населения которой (старше 15 лет), по данным переписи населения и домохозяйств от 2020 г., официально исповедует буддизм, что в абсолютных цифрах составляет примерно половину всех жителей 3,5-миллионной страны [2020 Population: 62]. Также сюда добавляется небольшой процент шаманистов, мусульман (практически все исповедующие являются небольшой монголоязычной группой хотонов и казахами, компактно проживающими на западе страны) и христиан-протестантов (с недавнего времени). В Монголии нередко на практике приходится сталкиваться с проявлением, скорее, религиозного буддийско-шаманистского синкретизма и наследия атеистической эпохи.

В феврале 2016 г. в Устав РПЦ решением Архиерейского собора были внесены изменения, согласно которым Монголия была включена в состав канонической территории РПЦ. Данное дополнение доказывалось и историческим нахождением Внешней Монголии в сфере влияния Российской империи, и современностью: с начала 1990-х гг. ни одна из поместных православных церквей, кроме Русской, ни отправила своих миссионеров в Монголию. Все это свидетельствует об особом отношении РПЦ к миссии в Монголии.

Кроме того, придание территории Монголии по католической административно-территориальной системе деления в 2002 г. статуса апостольской префектуры, включение вместе с Афганистаном территории Монголии в октябре 2021 г. в Конференцию католического епископата стран Центральной Азии (наряду с уже состоявшими здесь пятью бывшими советскими среднеазиатскими республиками), возведение в 2022 г. местного католического епископа Джорджо Маренго в сан кардинала и первый исторический визит в Монголию Папы Римского Франциска в сентябре 2023 г. свидетельствуют о важности Монголии и для РКЦ.

Монголы, за исключением отдельных встреч с несторианством, православием и католичеством в период существования Монгольской империи, преимущественно не были знакомы с христианством, не испытали влияния христианской культуры, имеют и в настоящее время слабое представление о Едином Боге (отсюда сложность перевода на монгольский язык таких основополагающих слов, как «Бог» и «Господь»). Кроме того, в Монголии традиционно довольно специфически интерпретируют идею Бога-Творца, нередко вплетая образ Богочеловека Иисуса Христа в локально сложившийся здесь пантеон буддийских божеств и многообразных духохранителей местности. Немалую роль в осмыслении образа Христа, далекого от ортодоксальности, играют уже сами христианские миссии (в особенности представители протестантских деноминаций) и квазихристианские течения (мормоны, иеговисты). Как отмечали сами католические священники в беседах с автором, для большинства населения Монголии идея жертвенного служения и жертвы как таковой, воплощенная Христом, чужда, что служит крепким основанием для обращения современных монголов к неохаризматам и псевдохристианским направлениям: «В массе монголам сложно истолковать смысл жертвы, которую принес Христос, про сущность и смысл страданий Богочеловека, поскольку практически каждый из местных говорит нам, что хочет быть успешным, заполучить что-то. Они не понимают, как можно достичь успеха, следуя по крестному пути Христа...» [ПМА 1].

В данной статье будет рассмотрена сама теоретическая возможность сравнения христианских миссий – католической и православной. Для достижения данной цели уместно проанализировать как универсальные черты, так и различия в методах и подходах, применяемых сегодня на практике католиками и православными в процессе своей миссионерской деятельности. Такое сопоставление дает возможность провести сравнение двух миссий в общих чертах, избегая очевидной поверхностной констатации колоссально различающегося у РПЦ и РКЦ в Монголии материально-финансового, технического обеспечения и кадрового ресурса, а также наличия дипломатического статуса².

Исследование построено в русле антропологии религии и базируется преимущественно на материалах включенного наблюдения автора и бесед с представителями католического и православного духовенства, проводившихся в Улан-Баторе в 2016–2022 гг., в период постоянного проживания автора в столице Монголии [ПМА 1; ПМА 2]. В историографическом плане работ, посвященных вопросам католической и православной миссий в Монголии, не так много. Уместно упомянуть публикации как светских авто-

ров, извне описывающих общую ситуацию [Алексеева, Бадмацыренов, Васильева; Дансарунова, Бадмацыренов; Дьяченко; Михалёв; Сабиров; Цэдэв; Kemp], так и священнослужителей, в том числе и тех, кто непосредственно занимался миссией в Монголии и осмыслял личный опыт [Гусев, Терентьев; Корниенко, Плеханова; Трубац; Marengo]. Также отдельным блоком выделяются публикации по новейшей истории РПЦ и РКЦ в Монголии [Дьяченко; Терентьев 2023а; 2023б; 2024; Kemp; Marengo]. За исключением отдельных разделов монографии священника Н. Корниенко (в соавторстве с А.М. Плехановой) и работы монгольского кардинала Джорджо Маренго «Шепот Евангелия в сердце Монголии» (с подзаголовком «Миссионерские размышления о евангелизации в Монголии») в историографии практически нет подробных сюжетов, посвященных именно проблеме осуществления миссионерской деятельности РПЦ и РКЦ, а также самой возможности их теоретического сравнения.

К настоящему времени в стране зарегистрирован один православный приход во имя Святой Троицы с одним священником. РКЦ представлена 10 приходами (кафедральный собор + 5 приходов в столице, остальные – в провинции), 25 священнослужителями (двое из которых – монголы, рукоположены в августе 2016 г. и в октябре 2021 г.) и 1 кардиналом-епископом. Кроме того, в число католической миссии входит порядка 65 штатных миссионеров (монашествующих и мирян), также вовлечено большое количество волонтеров, как местных, так и иностранных.

Среди общих черт в миссионерской деятельности РПЦ и РКЦ следует выделить стремление к просветительской и образовательной деятельности, осуществляемое через открытие учебных заведений: от единственного культурно-просветительского центра при православном приходе до целой разветвленной сети образовательных учреждений вплоть до технического колледжа при католическом кафедральном соборе во имя святых апостолов Петра и Павла³. К общим чертам также относится принцип инкультурации, строительство новых храмов, регистрация приходов и осуществление уставной богослужебной деятельности. Также особую роль играет гуманитарная и благотворительная помощь, оказываемая Свято-Троицким храмом и приходами РКЦ людям в Монголии независимо от их конфессиональной принадлежности.

Говоря про уставные богослужения, необходимо отметить, что католическая месса полностью переведена на монгольский язык, православная литургия – частично. Клирики стараются овладеть государственным языком страны пребывания как минимум на разговорном уровне. Именно языковой и культурный барьер становится одной из причин активно-

го привлечения мирян к миссионерскому служению, что свойственно и католикам, и православным. И те и другие участвуют в межконфессиональном диалоге и в официальных встречах с общественно-политическими деятелями. Если во время встреч с представителями иных конфессий и должностными лицами Монголии католические и православные клирики свидетельствуют о Христе, то их участие в данных мероприятиях определенно можно отнести к миссионерской деятельности.

Успешная проповедь за рубежом требует следования фундаментальным миссионерским принципам, что видно на примере деятельности РКЦ и РПЦ в Монголии. В то же время каждая из Церквей накопила здесь свой ценный и уникальный опыт, на который стоит обратить внимание при дальнейшем планировании миссии.

Католическая миссия в Монголии с 1990-х гг. отличалась от православной активной деятельности в сельской местности, сочетая оседлое служение с кочевым образом жизни среди местного населения. Эта «степная миссия» естественным образом, через преподавание языка и благотворительность, подводила к евангельской проповеди. Сегодня данную традицию продолжает масштабная гуманитарная работа католиков, хотя её миссионерская эффективность не всегда высока. Ещё одним отличием является подход к катехизации. Католическая церковь проводит систематическую двухгодичную подготовку к крещению. В православной же практике этот срок варьируется от месяца до года и зависит от готовности человека. Катехизацию здесь обычно ведёт лично настоятель прихода, а обязательным условием является регулярное участие в богослужениях.

Рассмотрев на конкретных отдельных примерах качественные сравнительные показатели двух миссий (более детальная картина представлена в наших предыдущих публикациях [Терентьев 2023а; 2023б]), остановимся более подробно на вопросах, с которыми сталкивается исследователь в процессе компаративного анализа показателей так называемой «успешности» христианских миссий. На каком основании можно проводить сравнение результатов двух миссий? Можно ли брать за критерий для сравнения в случае с Монголией численность обращенных, масштабы проповеди и изначальную финансово-экономическую и материальную базу? И в каком случае можно говорить об успехе или неуспехе миссии?

В контексте рассуждений о количественных характеристиках нередко одним из важнейших показателей православной миссии в Монголии, по мнению некоторых авторов, является количество местных жителей, обращенных в веру. В этом отношении у православных и католиков в Монголии ситуация сложилась по-разному.

Так, при настоятельстве о. Алексия Трубача (2005–2019 гг.) из местного населения было крещено чуть более 60 человек. Причем за первые 5 лет своего служения о. Алексей крестил только 25 человек, 15 из них на то время регулярно посещали богослужения [Зарудный]. Для Монголии факт обращения в православие исключительно местного населения, вероятно, не может считаться демонстрацией успеха или неуспеха миссионерской деятельности, поскольку крещение тех, кто считал себя «православными по умолчанию» (преимущественно это русскоязычные граждане, проживающие в Монголии), так же как и обращение/возвращение в католичество выходцев из католических стран, обычно не рассматривается в специальной литературе как миссионерская деятельность.

Поэтому ключевым результатом миссионерской деятельности РПЦ в Монголии есть ее «внутренняя направленность» – воцерковление уже крещеных русскоязычных жителей, но не вовлеченных в церковную жизнь, так и некрещеных, выросших в России. Эта задача для РПЦ особенно актуальна, учитывая подверженность данной группы местным и пришлым религиозным течениям. Потенциальными прихожанами также являются дети из русских и смешанных семей, принявшие православие в Свято-Троицком храме. Кроме того, общину пополняют обращенные из других конфессий: протестантизма, католичества или новых религиозных движений, включая как монгольских граждан, так и иностранцев из смешанных семей.

Всего, по данным «Метрической книги о крестившихся» (которая именно в таком унифицированном и издаваемом Московской патриархией формате на приходе ведется настоятелем только с 2019 г.), с июля 2019 г. по январь 2026 г. в Свято-Троицком храме был крещен 41 человек (без указания национальности). Более ранние сведения в метрической книге отсутствуют. Подсчет численности заново воцерковленных православных на приходе не ведется даже приблизительно. На основании малого количества обращенных монголов (в сравнении с миссией РКЦ) невозможно утверждать и то, что задача православной миссии в современной Монголии не сводится к обращению только местного населения.

Применяя количественный показатель в качестве критерия сравнения миссий, можно убедиться и в незначительном числе монголов, обращенных в католичество, несмотря на огромные усилия, прилагаемые РКЦ. Как следует из собственной официальной отчетно-статистической информации Ватикана, на одного священнослужителя в Монголии в 2022 г. приходилось 55 католиков – вероятно, речь идет о католиках, обращенных из монголов. Динамика количества католиков в Монголии из местного населения, со-

гласно официальным данным, выглядит следующим образом: 2001 г. – 94 чел., 2002 г. – 114 чел., 2003 г. – 132 чел., 2004 г. – 168 чел., 2010 г. – 656 чел., 2014 г. – 919 чел., 2017 г. – 1222 чел., 2020 г. – 1354 чел., 2022 г. – 1394 чел. [Prefecture]. К настоящему времени численность католиков в Монголии варьируется в районе 1,5 тыс. чел., но и эти показатели считаются высшим католическим духовенством катастрофически недостаточными для Монголии [Терентьев 2023а: 171].

Указанное количество католиков значительно меньше проживающих в Монголии православных, которые по факту являются паствой единственного (на протяжении всей истории миссии) православного священника, но в пропорциональном сравнении, с точки зрения доли верующих на одного священника, данные вполне сопоставимы. По самым примерным подсчетам количество православных в Монголии колеблется в пределах 100. В этом случае к православным относятся крещеные и периодически посещающие богослужения люди, в особенности по большим праздникам. Количество номинально православных может быть в пределах 300–400 чел.

Стоит сказать, что РКЦ в Монголии больше действует на благотворительном и образовательном направлениях и в целом активно работает в сфере социального и гуманитарного служения, в которое вовлечено большое количество местных жителей. Данную особенность с некоторой долей сожаления отмечал в личных беседах с автором и апостольский префект Улан-Батора (с 2020 г.), кардинал (с 2022 г.) Джорджо Маренго (род. 1974 г.): увеличение числа приходов, расширение штата священнослужителей и миссионеров в Монголии не ведет к аналогичному пропорциональному расширению католической паствы [ПМА 2].

Качественные показатели – углубленность в христианстве, обретение крепкой веры – определить в краткосрочной перспективе, учитывая молодой возраст двух возрожденных миссий, невозможно и, по сути, лишено смысла. Собственно, по этой причине миссиологи (как католические, так и православные) в поисках пресловутой результативности миссии тщательно подсчитывают не только количество вновь открытых и зарегистрированных приходов, школ, рукоположений, но и число обращенных в христианство из местных. Да и сами эти цифры нередко становились и становятся украшением приходских и епархиальных отчетов.

Причем речь о цифрах всегда актуализируется в двух полярных случаях: или если обращенных очень много, как в случае с миссией равноап. Николая Японского, или если таковых крайне мало либо вовсе нет. Из последнего в качестве примера можно привести опыт 18-летней индийской миссии ар-

хим. Андроника (Елпидинского) (1894–1959 гг.), которого диакон (ныне – священник) Георгий Максимов именовал «неудачным миссионером»: «После себя он не оставил ни общины, ни даже одного человека, обращенного в Православие» [Максимов: 179].

С точки зрения евангельских основ христианства⁴ количественный показатель обращенных в православие и католичество сложно считать некими «индикаторами» искомой результативности миссии. В связи с этим известный современный православный миссионер Антоний Дулевич, руководитель миссионерского отдела Кызыльской епархии РПЦ, активно занимающийся в Республике Тыва (и, в последнее время, в западных аймаках Монголии и в Улан-Баторе) уличной и квартирной миссией, пишет: «В обязанности миссионера входит свидетельство о Христе, а не вмешательство в личную волю слушателя. Семя, посеянное миссионером, может взойти в сердце слушателя через годы... Ошибка в том, что некоторые видят плоды миссии именно в обращенных людях... Надо ждать. Не должно быть скороспелых плодов» [Дулевич: 84].

Сравнение католической и православной миссии по материально-техническому и финансово-экономическому принципам также малоосновательно, поскольку изначально у РПЦ и РКЦ в Монголии были совершенно несопоставимые бюджеты и ресурсы, в том числе и человеческие. По этой причине все результаты подобного сравнения с самого начала возникновения двух миссий в новейшей истории Монголии были predetermined.

Таким образом, миссионерская деятельность РПЦ и РКЦ в современной Монголии демонстрирует как общие черты (просветительская работа, принцип инкультурации, благотворительность), так и существенные различия в масштабах, методах и подходах к катехизации. Количественные показатели, а именно число обращенных местных жителей, не могут служить объективным критерием для сравнения «успешности» миссий, так как и католики, и православные иерархи сталкиваются с крайне низкими темпами роста паствы, несмотря на значительные усилия, особенно со стороны католической миссии. В пропорциональном отношении о масштабе прилагаемых усилий можно говорить и в отношении православной Церкви: не только сама миссионерская работа, но и вся хозяйственная, административная и прочая организационная деятельность, присущая любому приходу, возложена, по сути, на одного настоятеля и исключительно ограниченный круг помощников.

Задачей православной миссии в условиях Монголии является не только обращение местного населения, но и воцерковление уже крещеных представителей русскоязычной диаспоры («православных по умолчанию»), и их последующее окормление.

Учет данной группы православных христиан не ведется. Сравнительный анализ миссий по материально-техническим или финансовым параметрам лишен смысла, поскольку уже с начала 1990-х гг. ресурсы и инфраструктура РПЦ и РКЦ в стране являлись несопоставимыми.

В целом выявление углубленности в вере как качественного показателя деятельности именно молодых миссий практически невозможно, поэтому в поисках «успешности» миссионерской работы количественные данные (число новых приходов, школ, рукоположений и обращенных местных жителей) могут только отчасти стать основой для отчетности.

Попытка определения количественно-качественных показателей при сравнении миссий РПЦ и РКЦ в Монголии не даст полной и объективной картины распространения католицизма и православия в этой стране в силу непродолжительности их активной деятельности, поэтому уместно сосредоточиться именно на выявлении общего и особенного в самой миссионерской практике двух миссий с целью взаимного использования накопленного опыта в последующей проповеди Евангелия.

Примечания

¹ Статья представляет собой развернутую публикацию доклада, сделанного автором на Первой Международной научной конференции «Странствующие боги: религии в движении», прошедшей 6–8 октября 2025 г. в ИВ РАН.

² Дипломатическим представителем Ватикана в Монголии по совместительству является Апостольский нунций (с 2024 г. – архиепископ Джованни Гаспари), резиденция которого находится в Сеуле (Республика Корея).

³ В Монголии к 2024 г. РКЦ было открыто и учреждено «1 технический колледж («Дон Боско»), 3 начальных школы, 4 детских сада, 7 детских центра дневного пребывания и иных учебных центров, 1 учебный центр для детей с ограниченными возможностями здоровья («Rainbow Center»), 1 группа продленного дня, 3 католических скаутских образовательных центра, 4 библиотеки», в деятельность которых вовлечено около 600 детей и представителей молодежи [Терентьев 2023а: 170].

⁴ См. притчи о потерянной овце, потерянной драхме и о блудном сыне в гл. 15 Евангелия от Луки.

Список литературы

Источники

Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 27.03.2007. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/91996> (дата обращения: 21.01.2026).

ПМА 1 – Полевые материалы автора: интервью с о. Стефаном Ким (Fr. Stephen Kim). 10.05.2022.

ПМА 2 – Полевые материалы автора: интервью с епископом (с 2022 г. – кардиналом) Джорджо Маренго (Giorgio Marengo, I.M.C.) в мае – июне 2021 г. и в июне – июле 2022 г.

Prefecture Apostolic of Ulaanbaatar. The Hierarchy of the Catholic Church. 28.04.2025. URL: <https://www.catholic-hierarchy.org/diocese/dulaa.html> (дата обращения: 10.01.2026).

2020 Population and Housing Census of Mongolia. Ulaanbaatar, National Statistics Office of Mongolia, 2021, 298 p.

Исследования

Алексеева М.С., Бадмацыренов Т.Б., Васильева С.В. Православная миссия в современной Монголии в контексте религиозной ситуации // Монголоведение. 2022. Т. 14, № 4. С. 670–683.

Гусев А., иер., Терентьев В.И. Состояние религиозной жизни Улан-Батора (на примере района Баянзурх) // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. С. 43–47.

Дансарунова С.А., Бадмацыренов Т.Б. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви: контент-анализ СМИ Бурятии // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 238–245.

Дулевич А.И. Принципы миссионерской деятельности апостола Павла // Духовные ласточки. 2020. Т. 6. С. 48–89.

Дьяченко Н.В. Римско-католическая церковь в современной Монголии: между прозелитизмом и международной политикой // Ортодоксия. 2025. № 3. С. 152–173.

Зарудный П. Хоккей при церкви. Русский священник создал в Монголии клуб по хоккею с мячом и стал опекать... сборную этой страны // Российская газета. 2010. 5 фев. URL: <https://orthedu.ru/news/1025-10.html> (дата обращения: 25.09.2025).

Корниенко Н., иер., Плеханова А.М. Русская Православная Церковь в Монголии: история и современность. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 256 с.

Максимов Г., диак. Святоотеческое понимание миссии. Москва: Православное миссионерское общество им. прп. Серапиона Кожеезерского, 2014. 192 с.

Михалёв А.В. Русская диаспора в Монголии: этапы формирования фронтальной религиозности // Восток (Oriens). 2017. № 2. С. 62–71.

Сабиров П.Т. Социокультурные факторы обращения монголов в христианство после 1990 г. // Христианство в Южной и Восточной Азии: история и современность. Москва: Ключ-С, 2016. С. 116–126.

Терентьев В.И. История католической миссии в Монголии с 1992 г. // Abyss (Вопросы философии,

политологии и социальной антропологии). 2023а. № 1 (23). С. 165–172.

Терентьев В.И. Миссионерский опыт Русской Православной Церкви в Монголии (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) // Respublica Literaria. 2023б. Т. 4, № 3. С. 174–185.

Терентьев В.И. Православная Монголия: вчера, сегодня, завтра. Улан-Батор: Нарандийр, 2024. 90 с.

Трубач А., прот. История и современное положение православия в Монголии // Православие и дипломатия в странах азиатско-тихоокеанского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. С. 6–12.

Цэдэв Н.Х. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 128–135.

Кемп Н.Р. Mongolia's Christians – from Ancient Roots to Vibrant Young Church. London, Monarch Books, 2000, 543 p.

Marengo G. Whispering the Gospel to the heart of Mongolia. Missiological reflections on Evangelization in Mongolia. Ulaanbaatar, Soyombo Printing LLC, 2022, 255 p.

References

Alekseeva M.S., Badmatsyrenov T.B., Vasil'eva S.V. *Pravoslavnyaya missiya v sovremennoj Mongolii v kontekste religioznoj situatsii* [Orthodox Christian Mission in Contemporary Mongolia: a Perspective from the Religious Situation]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies (Elista)], 2022, vol. 14, no. 4, pp. 670–683. (In Russ.)

Dansarunova S.A., Badmatsyrenov T.B. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi: kontent-analiz SMI Buryatii* [Missionary Activity of the Russian Orthodox Church: Content Analysis of the Media in Buryatia]. *Vlast'* [Vlast'], 2023, vol. 31, no. 1, pp. 238–245. (In Russ.)

Dulevich A.I. *Printsipy missionerskoi deiatel'nosti apostola Pavla* [Missionary Principles of Apostle Paul]. *Dukhovnye lastochki* [Spiritual swallows], 2020, vol. 6, pp. 48–89. (In Russ.)

Dyachenko N.V. *Rimsko-katolicheskaia tserkov' v sovremennoj Mongolii: mezhdu prozelitizmom i mezh-dunarodnoi politikoi* [The Roman Catholic Church in Contemporary Mongolia: Between Proselytism and International Politics]. *Ortodoksiia* [Orthodoxia], 2025, no. 3, pp. 152–173. (In Russ.)

Gusev A., priest, Terentyev V.I. *Sostoyanie religioznoj zhizni Ulan-Batora (na primere rajona Bayanzurkh)* [The State of Religious Life in Ulaanbaatar (on the Example of the Bayanzurkh District)]. *Pravoslavie i diplomatiya v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Orthodoxy and Diplomacy in the Countries of the Asia-Pacific Region: Materials of the X International Scientific

and Practical Conference]. Ulan-Ude, BGU Publ., 2020, pp. 43–47. (In Russ.)

Kornienko N., priest, Plekhanova A.M. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Mongolii: istoriya i sovremennost'* [Russian Orthodox Church in Mongolia: history and modernity]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 256 p. (In Russ.)

Maksimov G., deac. *Sviatootecheskoe ponimanie missii* [Patristic understanding of mission]. Moscow, Pravoslavnoe missiionerskoe obshchestvo imeni prepodobnogo Serapiona Kozheozerskogo Publ., 2014, 192 p. (In Russ.)

Mikhalev A.V. *Russkaya diaspora v Mongolii: etapy formirovaniya frontirnoj religioznosti* [Russian Diaspora in Mongolia: Stages of the Formation of Frontier Religiosity]. *Vostok (Oriens)* [Vostok (Oriens)], 2017, no. 2, pp. 62–71. (In Russ.)

Sabirov R.T. *Sotsiokul'turnye faktory obrashcheniya mongolov v khristianstvo posle 1990 g.* [Social and Cultural Factors of Adopting Christianity by the Mongolians after 1990]. *Khristianstvo v Yuzhnoj i Vostochnoj Azii: istoriya i sovremennost'* [Christianity in South and East Asia: History and Modernity]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2016, pp. 116–126. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Istoriia katolicheskoi missii v Mongolii s 1992 g.* [History of the Catholic Mission in Mongolia since 1992]. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noi antropologii)* [Abyss (Studies in Philosophy, Political science and Social anthropology)], 2023a, no. 1 (23), pp. 165–172. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Missionerskii opyt Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Mongolii (konets 1990-kh – nachalo 2000-kh gg.)* [Missionary Practice of the Russian Orthodox Church in Mongolia (late 1990s – early 2020s.)]. *Respublica Literaria* [Respublica Literaria], 2023b, vol. 4, no. 3, pp. 174–185. (In Russ.)

Terentyev V.I. *Pravoslavnaia Mongoliia: vchera, segodnia, zavtra* [Orthodox Mongolia: Yesterday, Today,

Tomorrow]. Ulaanbaatar, Narandiir Publ., 2024, 90 p. (In Russ.)

Trubach A., archpr. *Istoriya i sovremennoe polozhenie pravoslaviya v Mongolii* [History and Current Status of Orthodoxy in Mongolia]. *Pravoslavie i diplomatiya v stranakh aziatsko-tikhookeanskogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Orthodoxy and Diplomacy in the Countries of the Asia-Pacific Region: Materials of the X International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, BGU Publ., 2015, pp. 6–12. (In Russ.)

Tsedev N.Kh. *Nekotorye problemy izucheniya etnokontsional'noj situatsii v Mongolii* [Some Problems of the Ethno-Religious Situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2017, no. 3–4 (12–13), pp. 128–135. (In Russ.)

Zarudnyi P. *Khokkei pri tserkvi. Russkii sviashchenik sozdal v Mongolii klub po khokkeiu s miachom i stal opekat'... sbornuiu etoi strany* [Hockey near the church. A Russian priest founded a bandy club in Mongolia and began... mentoring the country's national team]. *Rossiiskaia gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2010, February 5. URL: <https://orthedu.ru/news/1025-10.html> (access date: 25.09.2025). (In Russ.)

Kemp H.P. *Mongolia's Christians – from Ancient Roots to Vibrant Young Church*. London, Monarch Books Publ., 2000, 543 p.

Marengo G. *Whispering the Gospel to the heart of Mongolia*. Missiological reflections on Evangelization in Mongolia. Ulaanbaatar, Soyombo Printing LLC Publ., 2022, 255 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.